

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

Апология интеллигенции

Кремнистый путь из старой песни...
О. Магдальштам.

Когда не знают, что делать, ищут, кто виноват. Согласно давней российской традиции, поиск этот обычно недолог — и результат его предопределен. Поскольку народ есть нечто абсолютное, совокупность и средоточие разнообразных достоинств и множестве добродетелей, стало быть — по определению — отягощен грехами он быть не может. Потому во всех его бедах повинны обстоятельства внешние и силы посторонние, среди которых главенствующая роль, если суммировать высказывания — от классической литературы до трамвайных перебранок, несомненно, принадлежит интеллигенции. При этом самые яркие и убедительные речи по сему адресу произносятся, так сказать, типичными представителями этой самой интеллигенции, по репутации — отнюдь не из последних.

По видимости — явка с повинной. По существу — доносительство на коллег своих и товарищей. И попытка отмежеваться от них. Порождение неправового сознания, где прокурор и адвокат, конечно, равны, но первый все-таки «равнее»...

Тут все смешалось: парадоксы, недоразумения, благие намерения, небескорыстные умыслы. Как говаривал интеллигент Гамлет: «Слова, слова, слова»...

Сперва — о парадоксах. Наиболее любопытный из которых происходит, на мой взгляд, из ввевшегося в подсознание догматического марксизма, одного из фундаментальных его законов — о переходе количества в качество. Дескать, если каждого — по отдельности — рабочего, крестьянина или служащего разглядывать, то недостатков и слабостей обнаружим сколько угодно, а когда вместе их всех соберешь, получается единство великое и сплошь положительное, безупречное, ничего светлей и прекрасней вообразить невозможно. Куда что девается, откуда что берется — тайна сия велика. Народ, одним словом.

С интеллигенцией дело обстоит как раз наоборот. Взять по одному: тот — ученый с мировым именем; этот — музыкант, чьи концерты нетерпеливо ждут в десятках городов планеты; уникальный врач, для кого милосердие — будничное, из года в год, занятие; пересчисление можно длить, ограничусь наброском «вершинным», чтобы мысль прояснить; да и на быденном уровне, соседском, что ли, сочувственные слова находят, вроде как у Галича: «Хоть и лысый, и еврей, но хороший...» Ну а собирательное имя сопровождается, как правило, эпитетами — один другого уничижительней, и все без эпитетов окрашено интонационно не очень-то привлекательно. И выходит, что образование, культура, напряженность внутренней жизни — путь не вверх, но вниз...

Сила есть — ума не надо. Парадокс народной мудрости. «Сильный» — всегда похвала, «умный» — чаще наоборот. Большинство сильнее, но не умнее. Пропорция тут обратная. Что большинство всегда право — можно решить большинством голосов. Но не доказать, не подтвердить примерами. Противоположные — сколько угодно. Все они сводятся к сакраментальному: нет пророка в своем отечестве. Добавлю — и во времени своем. Единственное число здесь не случайно, язык — инструмент точный. Минимум меньшинства. Дальше — нуль, близнец-брат дурной бесконечности.

Писатели знают, что два слова, употребленные вместо ненайденного единственного, вдвое слабее. Четыре — вчетверо.

Однако ощущение единственности своей подчас неуютно. Потому под соблазн «приобщиться», если не почувствовать, то хотя бы провозгласить себя частицей — непременно великого! — целого подпадали, случилось, и умные люди. Акутагава писал, что Шекспир смертен, но создавший его народ сотворит нового, еще и еще. Попытки, конечно, были — ни одной убедительной, не говорю — соизмеримой: Розенкранц вместо Гамлета, в лучшем случае — Лаэрт... Хотя, понятно, четыре без малого века для народа — невелик срок. Но покуда нет иных свидетельств, приходится признать: Шекспир, Данте, Сервантес, Гете, Пушкин — невоспроизводимы.

Недоразумение, впрочем, оказалось живучим.

Услышал как-то по случаю интервью известного, верней сказать — набирающего известность дирижера. Про то, чего стоило собрать талантливых людей, удержать их вместе, как непросто возникла ансамбль, опять же, конечно, о деньгах, которых нет... Рельсы накатанные, а перестук колес от собственных мыслей мало отвлекает. И вдруг — вопрос: а как, мол, вы относитесь к тому, что, говорят, люди наиболее одаренные уезжают из страны, не грозит ли это упадком, кризисом культуры? И тут же, без паузы, ответ: спокойно отношусь, ведь народ неисчерпаем. И всё. И дальше поехали, весьма довольные друг другом. Доброго пути...

Антитеза: народ и интеллигенция — из той же серии.

В искусстве есть закон достоверности образа: на яблоне могут вырасти золотые яблоки, но не груши, пусть даже обыкновенные, зеленые, оскоминно-терпкие. А нас, похоже, хотя бы убедить, будто на яблоне народа выросли груши интеллигенции.

Между тем еще Вяземский, то есть полтора столетия назад, дивился, что, говоря о народе, обыкновенно подразумевают «простонародье», что культурное и мыслящее мень-

шинство, без которого никакой благой замысел не довести до благого завершения, принято причислять чуть ли не к заезжим иностранцам... Но что Минин без Пожарского? Собиратель толпы, способной разве что на «бунт бессмысленный и беспощадный»...

Конечно, дыма без огня не бывает. Но хорошо бы помнить о взаимосвязи: чем хуже горит, тем дымнее.

Интеллигенция не только дает повод к упрекам, но и сама же те упреки исчерпывающе и красноречиво формулирует. Что вполне естественно: рефлексия — ее родовой признак. Рефлексирующий интеллигент — тавтология, не рефлексирующий — нонсенс. К тому же чем эффективнее формулировка, тем легче входит она в обиход, «простой, как мычание». Вылетит, к примеру, слово-не-воробей «образованщина», глядишь, тут же и поймали его на лету, используют на каждом углу, причем люди вовсе необразованные, очень им оно для самоутверждения годится.

Забавно при этом, что мстоимение используется — третьего лица множественного числа. Не Я — ОНИ.

...Будучи как-то во Франции, нагледевшись на французов и наслушавшись их характеристик-коллекстей касательно англичан, внезапно понял, что столкнулся с удивительной формой самозащиты: француз создал отрицательно-собирательный образ француза и назвал его... англичанином.

Знания парализуют волю. Потому что обращают мысль на последствия всякого действия — и на ответственность за них. Антоним ответственности — круговая порука (или, если угодно, «коллективная ответственность»). Стыдно — когда не стыдно. Если стыдно — не стыдно. Поиск «золотой середины» за последние две тысячи лет ощутимых результатов не принес.

Опять же Вяземский, очень умный был человек, полагал назначением своим не действие, но ощущение и размышление, сравнивая себя с термометром, который не может ни нагреть, ни освежить комнаты, но верно и вовремя указывает необходимость нагрева либо охлаждения. Включить калорифер либо окно открыт, пожалуй, попроще будет...

Но всего истовее интеллигенцию судят за обманутые ожидания. Нимало не трудясь задуматься над тем, что ожидаемого от нее она и не обещала, и не могла обещать. Так в замкнутых средневековых городах убивали главных, по мнению большинства, виновников болезни — врачей.

Пример посвежее. В двадцатых годах выкинули из страны философов, экономистов, историков, писателей, а немногих оставшихся, к «культурно-идеологическому

сервису» режима приспособиться не умеющих, по тюрьмам и лагерям распылили. Вместо них рекрутировали докторов, которые ни диагностировать, ни лечить не могли, разве лишь восхищались несокрушимым здоровьем пациента. Вследствие чего «жить стало лучше, жить стало веселее». Повеселились, надо сказать, на славу — до сих пор в себя прийти не можем, ни одно лекарство от головной этой боли не помогает. А шарманка всё крутится, старый мотылек твердит, заело...

И вот что характерно. В пору относительной общественной стабильности, которая только относительной и бывает, антагонизм этот не то чтобы затухает, но существует, я бы сказал, в вялотекущей форме. И резко обостряется в так называемые переходные эпохи. Ну, как теперь.

«Но со времен царя Гороха непереходных нет эпох». Все тот же Вяземский...

В такой ситуации по-человечески понятны попытки интеллигенции «разынтеллигентиться», то бишь объединиться, общую платформу, пусть даже политическую, создать, памятуя, что «если в партию сгрудилась малые» etc. Невелика мудрость — предсказать, что ничего путного не выйдет. Хотя бы потому, что интеллигент принципиально беспартиен — из этой его отдельности и происходит пресловутая и неодолимая уязвимость. Вступление в какую бы то ни было партию (и создание собственной) — не что иное, как выход из интеллигенции. Отсюда, к стати, вовсе не следует, будто выход из партии автоматически означает «возвращение» интеллигентного блудного сына: такие выходы легко узнаваемы — по «партийной тоске» в очах и речах.

Вдуматься: альтернатива безнадежна. При «хождении во власть» — виноват в последствиях. Оставаясь дома — в неучастии.

Но, пожалуй, это всё же лучше, чем стать разменной монетой власти...

Интеллигент оппозиционер к любой власти не потому, что сам к ней рвется, но потому, что видит — «как не надо». В отличие от вождей, твердо знающих — «как надо», тем и опасных: ничего разрушительнее, чем идея, овладевшая массами, человечество покамест не изобрело. А неинтеллигентность любого — на выбор — вождя органична, то есть неудивительна.

Это, в сущности, и есть его «харизматичность».

Большинство, коли очень повезет, может даже стать «думающим». Но «мыслящим» — только меньшинство. Внешнее сходство этих понятий очевидно, внутреннее различие огромно. Думают о причинах и следствиях. Мыслят о сути.

Евгений ДЕМЕНОК

ЛЕФКАРА

— Если у вас сейчас нет наличных, вы можете заплатить в следующий раз. Я вам доверяю, — сказала Мария, хозяйка большого кафе на окраине Лефкары, глядя на кредитную карточку в руках Миши, моего израильского друга.

К Марии мы попали случайно — наше любимое кафе «Tasties», в котором я как-то отравился осьминогом, вымоченными в вине, оказалось закрыто.

— Сегодня проблемы со связью — не получается провести кредитные карты, — продолжила Мария. — Но я вам доверяю — у меня в Израиле много друзей, и все они хорошие люди. Несколько пар живут на Кипре постоянно и по выходным приезжают ко мне обедать. Так что заплатите в следующий раз — это не проблема.

Нам нужно ехать в аэропорт. Даже не ехать, а мчаться.

Мы с сожалением оглядываем стол, от края до края уставленный тарелками, большинство из которых опустошить не удалось — мы заказали мезе.

Третий день наши израильские друзья Миша и Ира не перестают удивляться. Началось всё в Пафосе, когда я заболтался, проехал под «кирич» и выехал на встречу. Дорога узкая, и мы едва разъехались с машинами, едущими в правильном направлении. Каждый из водителей встречных машин открывал окно и объяснял мне, улыбаясь, что я еду не туда.

Не совсем верно. Немного нарушил. Не страшно, конечно, всё равно разъедемся. С кем не бывает.

— Это что-то! — воскликнула Ира. — Никто из них не кричит, не ругается, не показывает неприличные жесты. У нас бы тебя уже обрубили с ног до головы. Это что-то!

— Ира, не позорь Израиль, — ответил ей Миша. — У нас тоже встречаются доброжелательные люди.

После двух сумасшедших дней, за которые мы успели объехать половину острова, друзья улетают. Но мы не хотим терять время. Каждую свободную минуту нужно использовать. Поэтому по дороге в аэропорт — Лефкара.

Лефкара — это «восклицательный знак» перед отъездом. Мы решили сразить друзей окончательно. Ещё бы — сам Леонардо да Винчи остался под впечатлением.

Пока мы пробирались по узким улочкам, они, не переставая, восхищались и снимали всё вокруг на свои смартфоны. ярко-синие стены домов, распахнутые настезь двери, через которые можно рассмотреть многочисленные фотографии родственников на столиках в гостиных — непреходящий атрибут кипрских домов. ажурные балконы, резные разноцветные двери, лавочки с обязательными кружевами и серебром. И, конечно же, церковь Тимиу Ставро, Святого креста, возведенную в типичном для Кипра франко-византийском стиле.

Именно у неё мы и оставили машину, именно у неё и увидели вывеску «Таверна «У Марии»».

— Вам нужно сейчас спуститься, затем резко повернуть налево вверх и около полиции, на выезде из деревни, снова повернуть налево, — сказала вышивающая кружева пожилая женщина, увидев, что мы разглядываем вывеску. — Через триста метров на холме вы увидите таверну.

— Там вкусно? — спросил Миша.

— Очень, — ответила женщина, не прекращая вышивку.

И вот мы здесь. Таверна «У Марии» оказалась вышкой на торте. Точкой в восклицательном знаке.

Мы всё-таки нашли наличные, и Мария ушла за сдачей.

— Обычно киприоты рассказывают тебе за пять минут всю свою жизнь, — говорю я. — Мы как-то ехали из Полиса в Пафос и остановились у фургончика выпить фραπε. Хозяин, мужчина лет шестидесяти, сел с нами за стол — знаете, такой дешёвый пластиковый белый стол с такими же стульями, и рассказал о том, что почти всю свою жизнь он прожил в Южной Африке, о том, что специально прилетел оттуда в родную деревню, чтобы украть свою несовершеннолетнюю невесту, будущую жену, потому что родители её не давали согласия на их брак, и они убежали в горы, а на третий день родители сдались; он увёз её в Йоханнесбург, через тридцать лет они вернулись домой — всё же родина есть родина; они живут вместе до сих пор, правда, в разных домах — он в доме родителей в деревне, она в Лимассоле, поближе к детям, встречаются на выходные, это понятно — за столько лет устали друг от друга; месяц назад он попал в аварию и пересмыслил после этого всю свою прошлую и — в основном — будущую жизнь.

К тому моменту, когда мы допили фραπε, мы знали об Андрее всё. Я даже запомнил его имя.

Мария принесла сдачу.

— Видите машину внизу? Это моя дочь, она едет из Ларнаки, с собеседования — пробует устроиться в аэропорт, работать на регистрации. Я очень волнуюсь, ведь ей уже двадцать четыре, и она до сих пор не может найти себе хорошую работу.

— А кто она по профессии? — спросил Миша.

— Учитель младших классов. Но вы же знаете, как долго приходится ждать свою работу в школе — все места заняты. У моего мужа есть такси, и дочь иногда помогает ему, но что это за работа — раз в два-три дня отвезти кого-то в аэропорт. Да и не очень безопасно для молодой девушки. У сына тоже нет работы, зато он недавно женился, они живут с нами, и моя невестка очень меня любит. Я уже жду не дожусь, когда стану бабушкой.

— У вас невероятно вкусная еда, — сказал Миша.

— Это потому, что я готовлю её от всего сердца, — улыбнулась Мария. — Тогда раба! Мы заторопились к машине. Сестра в неё сразу было невозможно — жарко. Мы открыли двери, чтобы проветрить салон. Внизу лежали черепичные крыши Лефкары, а за ними, до самого моря — едва покрытые зелёной живописные холмы.

— Когда на обед у тебя мезе, легко опоздать в аэропорт, — сказал я.

— Это что-то, — сказала Ира. — За пять минут — всю свою жизнь. Это что-то.

— Да ладно. У нас тоже так бывает, — сказал Миша.

— У нас дома — никогда, — сказал я и нажал педаль газа. Плавно набирая скорость, мы поехали по серпантину к виднеющейся вдали автостраде.